Глава 190: Тот луч света в истории

Восьмой портрет в Павильоне Нисходящего Тумана был Ван Чжи Цэ.

Те, кто имел даже небольшое понимание истории, отчетливо знали, что Ван Чжи Цэ - настоящая легенда. Он родом из нищеты, без какого-либо таланта для культивации, но успешно поступил в Небесную Академию для обучения.

В период Императора Тайцзуна он занимал должность обычного писца в правительстве, до тех пор, пока в возрасте сорока вдруг не познал Путь за одну ночь.

Звездный свет освещал всю столицу, и он непосредственно перешел из Очищения в Неземное Открытие, последовательно став экспертом поколения.

Что заставило других вздыхать от похвалы еще больше, это то , что Ван Чжи Цэ обучался как на севере, так и на юге, и был особенно одарен в военной стратегии и тактике. Он сопровождал Императора Тайцзуна несколько раз в северных кампаниях, наконец, став Помощником Маршала армии альянса, командуя армией, чтобы последовательно сокрушить основную силу демонов, и даже взяв одно верховое животное, чтобы прорваться через снежные равнины и убить Хелана Шансию, который даже не был в 800 милях от Города Старого Снега.

Если рассматривать только с точки зрения военных заслуг, возможно, лишь учитывая важность конфликта, который происходил в тот период, Ван Чжи Цэ был наиболее ослепительным среди сияющих звезд того времени, единственным человеком, которого можно было сравнить с Его Королевским Величеством, Императором Тайцзуном.

С его впечатляющими достижениями у него, естественно, было право занять восьмое место среди портретов уважаемых должностных лиц в Павильоне Нисходящего Тумана, согласно мнениям масс, он должен был иметь более высокий ранг, по крайней мере в первой тройке.

Причина для его восьмого рейтинга была очень проста. Именно потому, что его военные заслуги и положение среди населения были слишком высокими, до точки, что это достигло способности омрачить его вассала.

Но более важно то, что во время инцидента в Саду Сотни Растений, который случился в последние годы Император Тайцзуна, он не сделал свою позицию ясной, в отличие от Герцога Чжао, Чен Гуна, Цинь Чжуна и Юй Гуна, чтобы твердо стоять на стороне императора.

Из-за этого, даже если бы он достиг еще больше наград, он не мог заслужить абсолютное доверие Императора Тайцзуна.

Его лояльность в конце была поставлена под сомнение, из-за этого, после окончания великой войны он ушел в отставку и вернулся домой, более не участвуя в государственных делах.

Стоя перед картиной, глядя на мужчину средних лет, который держал нефритовый стержень в руке со спокойным выражением, Чэнь Чан Шэн был неподвижен очень долгое время, затем он продолжил смотреть на оставшиеся портреты.

Вслед за этим он увидел портреты Цинь Чжуна и Юй Гуна, этих двух Божественных Генералов, которые служили на стороне Императора Тайцзуна все те годы назад, имели безграничную мощь, а также безграничную репутацию, потому что в настоящее время, будь то в рамках Императорского Дворца или среди населения, на их двери были портреты двоих, эти портреты были точно такими же, как те внутри Павильона Нисходящего Тумана.

Эти два Божественных Генерала были такими же, как другие добродетельные предки в павильоне: все еще люди, но уже идолы.

Ноги и взгляд Чэня медленно перемещались. Нефритовый факел был крепко сжат в его руке. На серых стенах свет и тьма легонько дрожали. У людей на портретах, казалось, произошло увеличение их настроения.

Люди на этих картинах были такими же, как Ван Чжи Цэ, они все были легендами прошлого, со своими соответствующими легендами - атмосфера в павильоне была очень торжественной и достойной, но люди в картинах не были такими. Все они отличались, некоторые казались очень озорными, как Божественный Генерал Чэн Минцзе, в то время, как некоторые из них были очень строгими и серьезными, как Герцог Чжэн.

Не затратив слишком много времени, Чэнь Чан Шэн закончил наблюдение за двадцатью четырьмя портретами на восточной стене, они все были почитаемыми служащими, которые получили такую честь, когда Император Тайцзун построил Павильон Нисходящего Тумана все те годы назад.

Оставались еще десятки других портретов, это были должностные лица, которые последовательно попадали в павильон во время правления покойного императора и Ее Божественного Величества.

Чэнь Чан Шэн стал еще тише. От революции Императора Тайцзу предыдущей династии до консолидации империи Императором Тайцзуном, а затем захватом престола Ее Божественным Величеством. В истории этих долгих тысяч лет произошло много значимых событий.

Все портреты в павильоне были свидетелями, они были важными фигурами, которые действительно существовали в истории, другими словами, они были историей.

Прогулка по павильону была прогулкой по длинному потоку самой истории. В этих картинах была меланхолия истории и более того, вес истории. Бесчисленные секреты сопровождали тех, кто перешел в бездну, тихо, без слов, но эти секреты были здесь, поддерживая бесчисленные потрясшие мир истории.

Если бы добродетельные предки в портретах могли прийти к жизни, или, возможно, оставить позади какую-то информацию для будущих поколений, чтобы воспринять и понять, у тех ученых, которые изучали историю, определенно больше не будет никаких сожалений.

Наблюдение за всеми картинами в павильоне заняло около часа. Чэнь Чан Шэн вернулся к молитвенному коврику в центре здания. Затем он встал на месте и начал размышлять над чем-то.

Мгновениями позже раздался звук колокола. Звук исходил из земли и был немного удаленным, из-за чего все выглядело еще более уединенным и тихим, но все, что это сделало, это разбудило его от мыслей, и он не мог успокоить свой разум.

Вслед за звуком, факел, который был в его руке все это время, внезапно угас, павильон мгновенно стал черным, как смола, из щелей дверей и окон не было и единого луча света.

Чэнь Чан Шэн осмотрелся в темноте, осознавая что-то.

Чтобы первый на Первом Баннере Великого Испытания мог спокойно размышлять в течение ночи в павильоне, сначала ему надо было добиться мира. В павильоне не было ничего,

отвлекающего разум, снаружи звон колокола был безмятежным, и в данный момент было трудно увидеть что-либо. Помимо спокойного сидения на молитвенном коврике и размышления, больше тут было нечего делать.

Правительство Чжоу хотело, чтобы портреты в павильоне, наряду с присутствием, которое появилось вначале, стали ближе к человеку, который пришел для созерцания, до степени, чтобы они были в гармонии, когда они бы достигли менталитета стойкого служения Имперскому клану империи, служения Ее Божественному Величеству.

Первые на Первом Баннере за последние несколько лет, если они не были учениками Секты Меча Ли Шань, то они по-прежнему были южанами, и не питали слишком много лояльности к Правительству Чжоу.

Не говоря уже, что те, кто мог войти в павильон, оказывали сопротивление мощному присутствию, что, естественно, приводило к ситуации, что они не могли выполнить пожелания человека, который первоначально сделал это правило, чтобы укрепить менталитет входящих сюда.

Чэнь Чан Шэн был из Империи Чжоу, и на самом деле, вероятно, мог завершить первоначальные пожелания человека, который разработал Великое Испытание. Единственное, так как он смог войти в Павильон Нисходящего Тумана, он не мог уладить свое сердце, его мысли не могли лежать на будущем страны и ее народа, и он не думал об объединении человечества. Он думал о гораздо мелких или, возможно, более личных вещах.

Время медленно и тихо текло мимо. Как и раньше, ни один луч света не появлялся.

Чэнь Чан Шэн не сидел на молитвенном коврике и тихо проводил ночь, как прошлые первые на Первых Баннерах. Он отвязал короткий меч от пояса, его левая рука держала ножны, а затем он вонзил его в пространство перед ним.

В темноте внутри павильона, которая напоминала ночь, не было видно пальцы вытянутой руки. Короткий меч тоже исчез из поля зрения, н после его ухода из Деревни Си Нин, короткий меч редко покидал его сторону. Он поднял свою правую руку, аккуратно сжав рукоять.

Его две руки медленно разделились, но короткий меч не покидал ножен, то, что он извлек, был не меч, а шар света, подобный первому рассвету. Интерьер павильона был немедленно освещен.

Идеально круглая Светящаяся Жемчужина появилась в ладони его правой руки.

Мягкий свет осветил серые стены и половицы между через зазоры между его пальцами, за ним появилась длинная тень. При постепенном просветлении Светящейся Жемчужины, тень постепенно исчезла.

Он был уверен, что зазоры окон и дверей не пропустят свет, поэтому он не беспокоился.

Он поднял Светящуюся Жемчужину и направился к портрету.

Пока он шел в тихом павильоне, ночь была рассеяна сиянием в его ладони, на грани раскрытия своей истины. Он посмотрел на людей на портретах, чувствуя, что изображенные были очень похожи на него.

Он подавил это странное чувство и вновь направился к портрету Ван Чжи Цэ.

Он схватил короткий меч и вонзил его острый конец в щель между зелеными кирпичами на стороне портрета, затем медленно и осторожно толкнул вперед. Руки, которые держали короткий меч, слегка задрожали, а пальцы побледнели.

http://tl.rulate.ru/book/1222/52428